

*Свищет жуткий ветер, темень страшная вокруг,
Ужас кровожадный чуть скрывает мрак.
Зло крадется, зло все ближе, время помощи просить.
Нас спаси же, приходи, ведьмак!*

*Эхом разнесется крик невинной жертвы.
Только темень ночи да холод ей вослед.
Кровь падет на камни, белизну берез окрасит, —
А ведьмака как не было, так нет.*

Анонимная баллада,
примерно 1150 год р. Р.*

*Грехов юности моей и преступлений
моих не вспоминай*

Псалтирь 24:7**

* *post Resurrectionem* — после Воскрешения (лат.)

** Нумерация стихов Псалтири в православии отличается; у автора нумерация католическая, 25:7. — Здесь и далее примеч. пер.

Каэдвен есть страна меж Драконьими горами на севере, Синими горами на востоке и непроходимыми чащами на западе зажатая. Правят там наследственные короли из рода Топпов. Сперва столицу в древнем Бан Арде держали, однако город тот в 1130 году post Resurrectionem король Дагреад подарил чародеям под школу, столицу же перенес в Ард Каррайг, в центре страны лежащий.

К иным важнейшим городам Каэдвена относятся Бан Феарг, Даэвон, Бан Филлим и Бан Глеанн.

Гербом Топпов и всей страны со времен незапамятных служит единорог — d'or, licorne effrayée de sable.*

* Благон, краткое описание герба — «в золотом поле единорог вздыбившийся чёрный» (фр.)

Вокруг королевских земель Каэдвена лежат входящие в состав королевства пограничные земли, называемые марками или же мархиями. Отданы они под управление маркграфам, иные наследственным, иные королем назначаемым. Название такое оттуда происходит, что земли эти представляют как бы авангард, и, продвигаясь вперед все дальше, должны завоевания вести и новые земли для Каэдвена у эльфов отбивать, границы раздвигать и все дальние свои знаки — то бишь как раз марки — ставить. Мархии же сии суть таковы: Западная, Верхняя, Озерная и Нижняя.

*Болдуин Адовардо,
Regni Caedvenie Nova Descriptio**

* Королевства Каэдвенского новое описание (лат.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Геральт, несмотря на самое искреннее желание — причем по довольно важной причине, — никак не мог сосредоточиться на болтовне войта. Все его внимание занимало большое чучело вороны на войтовом столе. Ворона, зыряка на ведьмака стеклянным глазом, стояла на подставке из окрашенной в зеленый цвет глины, причем обе ножки вороны были в этой глине утоплены. Следовательно, ворона, несмотря на абсолютно живой вид, никоим образом живой быть не могла, сомнению это не подлежало. Почему же тогда, не на шутку удивлялся Геральт, ворона уже несколько раз моргнула ему своим стеклянным глазом? Неужто магия? Да вряд ли, ведь его ведьмачий медальон не дрогнул и не завибрировал, ни разу и ни в малейшей степени. Тогда галлюцинация, что ли? Видимость? Вызванная, возможно, тем, что он пару раз получил по голове?

— Повторю вопрос, — произнес войт Булава. — Повторю, хотя повторять не привык.

Войт Булава уже несколько раз заверил Геральта, что повторять не привык. Несмотря на это, повторял постоянно. Видимо, любил это дело, хоть и не привык.

— Повторю свой вопрос: из-за чего все на самом-то деле вышло? Что у тебя против этого дезертира было, за

что ты его так ужасно изрубил? Какие-то давние обиды? Никак, понимаешь, не могу поверить, что все случилось из-за того селянина да девичьей чести его дочурки. Что ты будто бы на выручку поспешил. Словно какой-то сраный странствующий рыцарь.

Ворона моргнула. Геральт пошевелил связанными сзади руками, стараясь хоть чуть разогнать кровь. Ремни поводьев болезненно врезались в его запястья. За спиной он слышал тяжелое дыхание деревенского пристава. Пристав стоял прямо позади и — Геральт был уверен — ждал лишь повода снова заехать ему кулаком в ухо.

Войт Булава засопел, развалился в кресле, выпятил брюхо и бархатный камзол. Геральт всматривался в грудь камзола и различал по ней, что войт ел сегодня, вчера и позавчера. И что как минимум одно из этих блюд было в томатном соусе.

— Я-то думал, — сказал войт, наконец, — что никогда не придется видеть ни одного из вас, ведьмаков. Много уж лет, как ни одного не видали. Будто бы после 194-го года мало кто в живых остался — там, в горах. Да и потом слух шел, что и оставшиеся повымерли, не то с голоду, не то от заразы. И вот те на, появляется один такой, и как раз в моей деревне. И первое, что совершает, так это убийство. А пойманный на месте преступления еще имеет наглость ссылаться на какие-то долбанные указы.

— В силу именного указа от тысяча сто пятидесятого года, — прохрипел Геральт, откашлявшись, — изданного Дагреадом, королем Каэдвена и пограничных мархий, ргіто: ведьмакам разрешается свободно заниматься своей профессией на территориях королевства и мархий, а также выводятся оные из-под юрисдикции местных властей...

— Первое «примо», — резко оборвал его Булава, — скоро полвека уж, как Дагреад в прах обратился, а вместе с ним его именные самодержавные указы. Второе «примо», никакой король ничего у меня ни из-под чего не выведет, поскольку король в Ард Каррайге далеко отсель, а здесь правит местная власть. То есть я. А третье «примо» в том, что ты, браток, не за исполнение своей профессии арестован, а за убийство. Волколаков ловить да леших убивать это твое ведьмачье дело. Но вот людей резать тебе ни один король привилегии не давал.

— Я действовал, защищая...

— Даррил!

Пристав послушно приложил Геральту кулаком, на сей раз по шее.

— Повторяешь одно и то же, — войт взглянул в потолок, — и это нервирует. А ты знаешь, до чего могут довести нервы? Даже такого спокойного человека, как я?

Ворона моргнула стеклянным глазом. Геральт молчал.

— Ты, — сказал наконец Булава, — не ведьмак. Ты дефект. Починка тебе нужна. Надо вернуть тебя в это ваше горное поселение, о котором люди болтают. Не знаю, как там у вас с этим поставлено. Может, такую недоделку навроде тебя разбирают на составляющие, а потом используют их для выпуска новых ведьмаков, получше. Ведь так у вас там делают? Из разных частей человеческих же ведьмаков собирают, сшивают или склеивают, или еще как. По-разному люди говорят. Так что, не болтая по-пустому... Я тебя, неполучившийся ведьмак, отправлю обратно в горы, за Гвенлех. Через неделю.

Геральт молчал.

— Даже не спросишь, почему через неделю? — Войт оскалил желтые зубы. — Любишь ссылаться на указы да

законы. Так и я стою за закон. А закон такой, что носить оружие здесь в деревне чужестранцам запрещено. А ты сюда с оружием вошел.

Геральт хотел запротестовать, мол, не он вошел, а его втащили. Но не успел.

— Наказанием, — вынес приговор Булава, — будут двадцать ударов кнутом. Исполнит их присутствующий здесь Даррил, а рука у него тяжелая. Раньше недели на ноги не встанешь. Ну же, взять его. На майдан с ним, привязать к столбу...

— Тихо, тихо, — остановил приставов входящий в комнату мужчина в буром плаще, здорово перемазанном снизу. — Чего ты так, Булава, торопишься с этим столбом да кнутом? Ведьмака мне покалечить хочешь? Обойдешься, забудь об этом. Мне ведьмак на стройке нужен целый и здоровый.

— А чего ты мне тут, Блауфаль, — подбоченился войт, — в исполнение правосудия вмешиваешься? И так от тебя страдаю, когда народ деревенский на шарварк* насильно тянешь. Но в юрисдикцию мою не лезь, не твое дело моя юрисдикция. Преступление наказанным быть должно...

— Шиш тебе, а не преступление, — прервал его Блауфаль. — Нету тут никакого преступления, есть самооборона да спасение людей. Да морду не криви, у меня с собой свидетель есть. Ну-ка, давай вперед, хозяин. Давай, не пугайся. Говори, что да как.

Геральт узнал селянина. Того самого, которого вчера спас от ограбления и который вместо благодарности сбежал в лес. Отца девочки, которую запомнил раздетой до нижней рубашки.

* Дорожная повинность.

— Свидетельствую... — выдавил из себя крестьянин, указывая на Геральта пальцем. — Словом своим отвечаю, сей самый юноша на помощь от бандитов ко мне поспешил... Собственность мою сберег... Дочь мою от бесчестья спас... Невинной из лап разбойничьих вызволил...

— А дезертир тот, — подсказал Блауфаль, — бросился на него с топором, юноша же лишь защищался. Самооборона! Подтвердите же, хозяин, что так и было.

— Так и было... Точнехонько так! Милсдарь войт, невиновен сей юноша! — Селянин был бледен и говорил неестественно громко. — Милсдарь войт! Освободите его, прошу вас. А здесь... Прошу принять... В знак, эээ... Может, расходы какие были али убытки... Рад буду возместить...

Услужливо кланяясь, крестьянин вручил войту кошелек. Булава быстро упрятал его в карман пышных штанов, да так ловко, что тот и не звякнул.

— Самооборона! — фыркнул он. — Человека на отбивные мечом напластал. Невинный юноша... Ух, я бы его...

Они вышли на майдан. Приставы вытолкнули Геральта, не развязывая ему рук.

— А ты, Блауфаль, — спросил войт, — чего суетишься как ошпаренный, даже вон свидетеля мне приволок? Так тебе прям нужен этот ведьмак?

— Ты чего, не знаешь, что ли? Мы дорогу кладем. Великую Дорогу, из Ард Каррайга через леса до самого Хенгфорса должна она быть. И не кое-какую, не шлях какой, а настоящий тракт, сухой и ровный, бревнами да фашинами мощный, чтоб повозки и упряжки могли идти. Важное это дело, Великая Дорога, тут широкая торговля пойдет, наших краев, значит, с Севером. Сам король буд-

то бы велел поторапливаться. А там чудищ столько в бору да на болотах, что то и дело работники гибнут, монстрами убитые иль похищенные...

— А давно это тебя работники волновать стали? Всегда ж ты говорил, что работяга неважен, одного не станет, другой найдется...

— Работников пёс бы драл, они все равно в большинстве с шарварка. Но бывает, что и бригадира моего монстр прикончит, а вот это мне всю работу дезорганизует, фронт работ останавливает. А, чего тут пустословить. Говорю же, ведьмак мне нужен, коли сроки завалю — тогда мало того, что премия к чертям накроется, так еще и проверку пришлют. А проверка...

— Всегда что-то отыщет, — с пониманием кивнул Булава. — Где материал налево продан, где сметы завышены, где...

— Давай ближе к делу, — поморщился Блауфаль. — Ведьмака отпусти прямо сейчас, немедленно, я его с собой на стройку забираю... Да чтоб тебя... Это что еще такое?

— С заставы ребята. — Войт всмотрелся из-под ладони. — Милсдаря Карлтона войско.

На майдан, вздымая пыль и распугивая кур, влетели галопом десятка полтора конников. Вооруженных. Одетых ярко, разноцветно и довольно разномастно. Лишь двое во главе их выглядели поэlegantней. Командир, усач в куртке лосиной кожи, с золоченой перевязью, в шляпе со страусиными перьями. И длинноволосый эльф с повязкой на лбу, в зеленом мундире разведчика.

— Господин капитан Рейш Карлтон, — поздоровался Булава, выйдя навстречу. — Мое почтение. Чем обязаны?

Господин капитан Рейш Карлтон склонился с седла, смачно сплюнул. Потом подал знак разведчику. Эльф

подъехал под столб с поперечиной, ловко перебросил через нее шнур, кончающийся петлей.

— Ого. — Булава упер руки в бока, оглянулся, стоят ли за ним приставы. — Господин капитан в мою деревню заглянул, видать, чтоб кого-то повесить. Ай, я ж даже вижу, кому это сегодня судьба в петле болтаться. Вижу-вижу, те двое связанных... Ха, так значит, господин капитан поймал дезертиров из своей казармы! Тех, что мне тут по лесам на крестьян да девок нападали?

— Этих двоих, — капитан Рейш Карлтон подкрутил ус, — вешать и не подумаю. Пойдут оба на шпидерутены, сквозь строй. Чтоб запомнили. И все на этом. Слишком мало у меня людей, чтобы их за что ни попадя вешать. И чтобы их какой-то бродяга безнаказанно убивал.

Капитан выпрямился в седле, повысил голос, обращаясь не только к войту, но и к сельским приставам, Блауфалю, его людям и уже собирающейся на площади небольшой толпе поселян.

— За что я должен солдат своих наказывать? За что? За самоволку? Что девку хотели оприходовать? Мы же тут, на заставе, как на краю света, как в ссылке, как в наказании. Ни пива нет, ни баб... Чего удивляться, что парни то и дело налево бегают, схватят какую-нибудь...

— Потому что какого рожна, — Рейш Карлтон еще повысил голос, — бабы шляются по лесам? А этот поселанин, здесь присутствующий, чего со своей девицей под руку попался, никак нельзя было ее дома оставить? Так чего удивляться, что хотели парни себе... Не одобряю этого! Не одобряю, но понимаю. Господин Аэльварр! Готово там?

— Готово, капитан.

— Ну тогда давай сюда этого ведьмака, Булава. Убил мне солдата — пойдет в петлю. Нужно дать пример устра-

шения. И не снимайте его, войт, пусть повисит, другим в науку.

Блауфаль шагнул вперед, казалось, хотел что-то сказать; передумал. Приставы схватили Геральта, но остались стоять в неуверенности. Как оказалось, правильно сделали.

Внезапно сделалось очень тихо. И словно бы повеяло чем-то холодным.

На майдан из-за амбаров очень медленно вступил вороной, смоляно-черный конь. Нес на себе всадника. Беловолосого, в черной кожаной куртке, усеянной серебряными шипами. Над правым плечом всадника торчали рукояти двух мечей.

Так же очень неторопливо и даже грациозно вороной конь миновал сельчан и войта. Чтобы остановиться перед кавалерией капитана Карлтона.

Минуту царило молчание. Потом вороной мотнул головой. Зазвенели кольца мундштука.

— Господин войт Булава, — произнес в тишине беловолосый всадник, — незамедлительно освободит молодого ведьмака. Вернет ему коня, оружие и собственность. Немедленно.

— Так... — войт закашлялся. — Так точно, господин Хольт. Сейчас же...

— Господин капитан Карлтон. — Всадник слегка поклонился. — Приветствую.

— Господин ведьмак Престон Хольт. — Рейш Карлтон дотронулся до полей шляпы. — Приветствую.

— Господин капитан, — всадник повысил голос, — милостиво изволит забрать отсюда этого эльфа, его веревку и остальных своих подчиненных. Вы здесь уже не нужны. Сегодняшняя казнь отменяется.

— В самом деле? — Капитан напрягся в седле, опер ладонь о гарду меча. — Так вы в себе уверены, господин ведьмак?

— Да, так и уверен. Прощаюсь с вами. Господин войт, парень освобожден? Его вещи возвращены?

— Ах ты ж сукин сын! — не выдержал один из конников Карлтона, выхватывая меч из ножен и срывая с места своего коня. — Я ж тебя...

Он не договорил. Всадник, названный Престоном Хольтом, поднял руку, сделал короткий жест. В воздухе завывало и засвистело, крестьяне схватились за уши. Солдат вскрикнул, вылетел из седла как из пращи, тяжело и неуклюже рухнул под копыта отряда. Кони его товарищей в испуге заржали, забили копытами, замотали головами, один встал на дыбы. Конь упавшего умчался вскачь куда-то между хат, лягаясь и мотая задом.

Сделалось очень тихо.

— Еще кто-нибудь? — Престон Хольт поднял ладонь в боевой перчатке. — Кто желает выступить? Героя избразить? Нету? Я так и думал. Прощаюсь с господами солдатами. Молодой ведьмак уже в седле?

— Уже, — отозвался Геральт.

— Тогда в путь. За мной.